

Война

Было так весело и празднично. Было лето. Наш детский сад на лето переехал в Ольшаны, под Харьковом. На всех праздниках в садике я пела, на Новый год была Снегурочкой. Воспитательница говорила папе и маме: «Ваша Люся должна стать актрисой». — «Да! Ета ув обязательном порядке. Так и будить!» — заверял ее папа. Я была влюблена в мальчика Семочку. На сохранившихся фотографиях мы с ним везде рядом.

И вдруг родители срочно увозят нас в Харьков. Еще утром мы были в лесу на прогулке. Нарвали ромашек и сиреневых колокольчиков. А вечером уже оказались дома, и увядший букет лежал на диване... Все оборвалось мгновенно, неожиданно.

Всего пять с половиной лет я прожила «до войны»... Так мало!

«Война, война, война... Сталин, Россия... фашизм, Гитлер... СССР, Родина», — слышалось отовсюду...

Папа ушел на фронт. Мы с мамой остались в Харькове. Филармония, за которой числились родители, имела строгий лимит на эвакуацию. В первую очередь эвакуировали заводы, фабрики, предприятия, а филармония, и тем более внештатные работники, позже. Так мы и просидели с мамой на переполненном вокзале с чемоданами и мешками. А потом вернулись домой.

Маме было двадцать четыре года. Она ничего не умела без папы, всего боялась. Когда папа уходил на войну, она была совсем потерянной и все время плакала:

— Марк, как же нам быть? Что же делать, Марк? А? Не оставляй нас... Я боюсь...

— Не бойсь, Лялюша, не бойсь... Ты девка умная, чужбая... Што ж, детка, сделайшь... жисть есть жисть... Дочурочка тебе поможить... А я не могу большой ждять... Пойду добровольно защищать Родину! Ну, с богум...

Папа ушел и унес с собой баян, авместе с ним унес самые прекрасные песни, самый светлый праздник — Первое мая, самое лучшее в жизни.

ми время. Время — «до войны»...

24 октября 1941 года в Харьков вошли немцы. В городе как будто все вымерло. Только по булыжной мостовой Клочковской улицы шли немецкие войска, ехали машины, танки, орудия. Не было ни выстрелов, ни шума.

Немцы шли, ехали молча. Никакой радости, никакого ликования по поводу взятия крупного города не было. Все холодно, четко, равнодушно. На жителей они не смотрели. Мы разглядывали их дымчато-серую военную форму, лица, погоны. У некоторых под подбородками висели Железные кресты. Впервые видели немецкие танки, тоже с крестами.

Несколько дней было затишье. Вообще не чувствовалось, что вошли враги.

Началось все потом, попозже: облавы, отправка в Германию, казни.

На каждом доме немцы вешивали приказы-объявления. В них говорилось, что в такое время всем здоровым и больным, с детьми — независимо от возраста — собратсь там-то. За невыполнение приказа — расстрел.

Главным местом всех событий в городе был наш Благовещенский базар. Здесь немцы вешали, здесь устраивались «показательные» казни, расстрелы.

Жители города сотнями шли со всех концов на базар. Образовывался плотный круг. Впереди — обязательно дети, чтоб маленьким все было видно. Внутри круга — деревянная виселица со спущенными веревками. На земле несколько простых домашних скамеек или деревянных ящиков. Дети должны видеть и запоминать с детства, что воровать нельзя, что поджогом заниматься нельзя. А если ты помогаешь партизанам, то смотри, что за это будет...

Из темных машин выводили в нижнем белье мужчин с дощечками на груди: «Вор», «Поджигатель», «Партизан». Тех, кто «Вор» и «Поджигатель», подводили к виселицам, вталкивали на скамейку и, не дав опомниться, покаряться, тут же выбивали скамейку из-под ног.

Как только казнь была совершена, немцы быстро, прикладами в спину, разгоняли людей. Они боялись всяких бунтов, выступлений массы.

Тогда мне было шесть лет. Я все впитывала и ничего не забыла. Я даже разучилась плакать. На это не было сил. Тогда я росла и взрослела не по дням, а по часам.

Говорит Москва

На Сумской улице немцы открыли кинотеатр. В Театре имени Шевченко заработала оперетта. Дворец пионеров на площади Тевелева отремонтировали. Теперь это здание было «только для немцев». Значит, немцы в Харькове устраивались надолго.

Пришла весна. Мы открыли окна и балкон. Я обнаружила, что наш балкон выходит во двор того здания, которое потом стало моей школой.

А сейчас в этом здании расположилась немецкая ремонтная часть. Во двор въезжали машины, разгружали ящики, металлические детали, гусеницы. Вдруг я услышала немецкую песню. Ее пели «не живьем», а по радио. Как давно я не слышала радио! Да и было ли это когда?

Тихо влезла на ящик, всунулась в окно и наткнулась прямо на немца, который подпевал и дирижировал себе:

— О, киндер! Вас ист леус? Во ист муттер?!

Мама произнесла сдавленным голосом:

— Пан, ист майн киндер... — В школе мама учила немецкий язык.

Он посмотрел на нас и улыбнулся. Немца звали Карл. Он был денщиком у командира части. Первый раз я видела «хорошего» немца.

Я осмелела. Решила: мама моет пол, немец слушает кон-

Людмила Гурченко

ТАК БЫЛО

церт, а я пройдусь по двору — может, что-нибудь найду такое, что пригодится в доме...

Папа все нес в дом. И железки, и дощечки, и гвоздики — «усе у доми хай будить при всякий случай». У него было огромное количество пилок, молотков, напильников, рапилий. Скорее можно было сосчитать, чего не было.

Папа меня учил: «Як идеш по улице, смотри униз на землю. Можя яка проваылка или гвоздок попадеть — усене си у дом, моя птичка. У хозяйстви згодится, усене нада иметь при всякий случай...».

В доме папа постоянно что-то пилил, строгал, тесал. И непременно в комнате или в том месте, где его заставала идея что-то смастерить. И желание сделать квартиру уютной у мамы постепенно пропадало. Придет папа с новой идеей — и все сначала...

А я так и ходила по улицам, глядя вниз. Мои карманы вечно были набиты ржавыми гвоздями, винтиками, проволокой. Не было ни одной свалки, мимо которой я равнодушно могла бы пройти. Все развалины вокруг были мною тщательно обследованы.

В этом дворе не нашлось ничего такого, что могло бы пригодиться в хозяйстве. Я уселась под окном на ящике.

Немецкая музыка уже кончилась. По радио говорил мужской голос — наверное, немецкие известия. Потом «затрыкал» приемник — музыка, речь, хор, марш: немец что-то искал.

— Тс-с... Ком, ком, рус панника, Москва. Тс-с, Москва... «Говорит Москва. От Советского Информбюро...» — и на весь двор полилась из окон русская речь!

Я поднялась и заглянула в окно. Женщины с нашего двора стояли в углу, сбившись

в кучу. «Левитан, Левитан, Фрося, держись, не плачь, а то он поймет...» — доносились из-за угла. Левитан говорил что-то очень важное. Лица у женщин были просветлевшие, торжественные, в глазах стояли слезы.

«На фронтах... оставили город... несут потери...».

Немец улыбался. Он был искренне рад, что преподнес «сюрприз» русским «паненкам». Он улыбался даже тогда, когда красивый голос произнес: «Победа будет за нами! Смерть фашистским захватчикам!».

«Надо выделиться»

С балкона я часами наблюдала за жизнью немецкой части. Утром солдаты делали зарядку, бегали по кругу. Потом всю часть выстраивали, читали приказы, распоряжения. Половина немцев уезжала до обеда. Возвращались грязные, в грязной спецодежде, опять выгружали из машины металлические части, детали.

Ели три раза в день из котелков, прямо во дворе. Там же стоял большой котел на колесах.

Вечером немцы пели, обнявшись и раскачиваясь из стороны в сторону. Они очень бурно и громко смеялись. Смешно им было все. Иначе откуда столько смеха? Тогда я услышала звук губной гармошки. И не могла понять и разглядеть, что же издает такой неполноценный звук.

Вдруг один немец понес свой котелок куда-то в сторону. Куда? Я так свесилась с балкона, что чуть не свалилась... И увидела, как он выливает из своего котелка суп в кастрюльку подбежавшей к нему девочки.

Я скатилась с четвертого этажа, побежала в том направлении, где только что видела девочку. Тут стояла толпа детей с кастрюлями.

Проход на территорию был закрыт железными трубами. Но кто-то в одном месте их раздвинул. Через эту лазейку можно было проникнуть во двор, поближе к котлу на колесах. Можно поискать того доброго немца, который включал приемник...

Вечером я уже была в толпе детей. Для первого раза взяла самую маленькую кастрюльку.

Папа мне говорил с детства: «Ничего не бойсь, дочурка. Не стесняйся. Дуй свое. Актриса должна «выделиться». Хай усене молчать, ждуть, а ты «выделись» у обязательном порядке... Это, дочурочка, такая профессия, детка моя...».

Долго стоять молча, выпрашивать жалким взглядом? Нет. Надо заработать! Надо «выделиться». А как хочется есть! А какой запах! Я и сейчас его слышу. Густой фасолевый суп!

От ожидания чего-то неизвестного всю меня трясло. Я не знала, что я буду делать... Но что-то будет. Это точно.

Немцы получили ужин. Стали есть. Смолкли разговоры. Только аппетитное чавканье...

Расцветали яблоня и груши, Поплыли туманы над рекой, Выходила на берег Катюша, На высокой берег, на крутой!

Голос мой дрожал. Я давно не пела во все горло. А мне так необходимо было сейчас петь! Петь! Петь!

Домой я принесла полную, до краев, кастрюльку вкусного, жирного фасолевого супа! Ничего! Завтра возьму кастрюльку побольше!

Мы втроем съели этот суп. Я знала, что теперь я маму голодной не оставлю. Я тоже вышла на работу.

Вскоре при моем появлении немцы оживлялись и называли меня Лючия. Я тоже разобралась, кто злой, кто добрый, а кому лучше на глаза не попадаться. Заметила, что лучше общаться со старыми. Старые — это 30—35 лет. Молодых было заметно меньше. Может, потому, что это была ремонтная часть.

Но молодые были очень злые. Некоторые из них пронесли мимо детей котелок и демонстративно выливали суп в бак с мусором.

Девушка моей мечты

Летом 1942 года был такой период, когда я стала основным кормильцем. Я гордилась, что слова «Люся принесет обед» воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Лето, зелень, солнце, фрукты, базар. И уже совсем другое настроение. Были бомбежки, но реже. К ним привыкли. О смерти не говорили. О зиме вспоминать не хотелось.

В театре оперетты мы не были. Но однажды ходили в кино. Фильмы шли на немецком языке. Немцы гражданский кинотеатр не посещали. Они не появлялись в тех местах, где собиралось много людей, — боялись партизан.

О фильме в городе говорили: красота, любовь, танцуют, поют, войны нет, еды у них полно; такая жизнь — закачаешься!

И вдруг вместо фильма показали немецкую кинохронику.

В первый раз я увидела Гитлера. Он дергался, неистово кричал, угрожал, выбрасывал руку вперед. За ним — тьма рук: «Хайль!». Гитлер с челкой, с усами.

Пока я сидела, погруженная в «политику», на экране без перебива началась картина «Девушка моей мечты». Мы впервые были в кино, слушали музыку, видели актрису, которая пела, прекрасно танцевала. Это была звезда эстрады тех лет Марика Рёкк.

Моя душа разрывалась от звуков музыки, новых странных гармоний. Это для меня ново, совсем незнакомо... Но я пойму, я постигну, я одолею! Скорее бы кончалась война. Скорее бы вернулся папа. Скорее бы услышать: «Не Лель! Дочурка актрису будить, ув обязательном порядке! Моя дочурочка прогреть!».

Наутро я встала с твердым решением: когда вырасту — обязательно буду сниматься в кино.

(Продолжение следует).